

Светильник озёрного края

И свет во тьме светит,
И тьма не объяла его.
Евангелие от Иоанна, 1:5

Все годы особое место в списке русских святых занимал Переславль-Залесский, расположенный на берегу древнего Плещеева озера. Он вызывал в воображении Леля и других персонажей «Снегурочки» — может быть потому, что по железной дороге к нему надо ехать через станцию Берендеево. Кто-то из нас ездил туда, ставил палатку на берегу знаменитого озера и чувствовал себя своим далёким предком-вятичем; кто-то собирался съездить, но так и не собрался; но в самом имени «Переславль-Залесский» для тех и других заключалось какое-то таинство.

Познакомившись с игуменьей и несколькими сёстрами, мы увидели, что они все удивительно красивы. Но не по внешности же их поселяли в монастыре, значит, они стали такими уже здесь, раньше будучи совершенно обыкновенными.

Разговор с сорокаторёхлетней игуменьей Евстолией, которая в миру была Ольгой Сергеевной Афонинной, начался с вопроса, по какому принципу она принимает сестёр в обитель или отказывает им.

«Конечно, поскольку монастырь является, помимо прочего, хозяйственной единицей и к тому же находится в стадии интенсивного материального восстановления, мне хочется получить хорошую работницу, приносящую конкретную пользу. Но я заставляю себя подавлять это желание и подходить к отбору с иных позиций. Ведь наше основное дело — возносить благодарение Богу, поэтому я внимательно смотрю на то, как предполагаемая насельница относится к христианству, любит ли Бога, любит ли молитву. Если мы будем выполнять своё главное назначение — славить Бога и просить Его смиростивиться над грешным миром, — Он поможет нам во всём, в том числе и в строительстве...»

Вот как просто, оказывается, быть игуменьей монастыря: надо лишь верить в силу Божию. Чтобы быть начальником производства, нужно знать десятки правил, иметь под рукой инструкции и своды законов, а чтобы быть начальником монашеской обители, нужно только одно: всерьёз относиться к сказанному в Евангелии. А там сказано: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6:33). Вот и всё! А многие ли следуют этому правилу?

«Матушка, но ведь среди тех, кто просится в монастырь и говорит о своей любви к Богу, наверняка есть экзальтированные натуры, а то и душевнобольные. Как вы с ними поступаете?»

«Да, такие тоже приходят. Надо сказать, что экзальтация — одна из причин, по которой нельзя принимать в монастырь — она несовместима с трезвенным духом православия. Но мы разрешаем таким пожить у нас, помолиться».

Готовясь к беседе с игуменьей, я наметил задать ей вопрос о просветительской деятельности монастыря, о которой был слышан. Но в ходе нашего разговора этот вопрос неожиданно стал проявляться сам собой. Я увидел, что моё понимание этой деятельности было в корне ошибочным, представлял её как лекционную работу: в зале собирают учителей, и матушка Евстолия делает перед ними доклад на тему «Вера и разум». Теперь мне стал

открываться истинный механизм христианского просвещения, действовавший и в двенадцатом веке, и всегда: воздействие личности просветителя на души тех, кто с ним общается. Евстолия не потому обращает в христианство объязычившихся переславцев, что сообщает им какие-то богословские истины, а потому, что она светится тем светом, который один просвещает человека в этом мире, — Светом Христовым. Я смотрел на сидящих возле игуменьи представителей местной интеллигенции: заведующую поликлиникой и сотрудницу Переславского природного заповедника — и видел, с какой нежностью и преданностью смотрят они на неё, ловя каждое её слово. Это и есть начало просвещения, — подумал я, — рождение верных. Так начиналось оно и в Киевской Руси, когда князья-варяги вот так же сидели в кельях печорских подвижников, и начинали понимать, что христианская вера — самая лучшая, ибо только она создаёт таких дивных светящихся людей. И шли потом князи к своим дружинникам и убеждали их принять христианство, как будут убеждать принять его эти, уже навеки уязвлённые Христом женщины, подчинённых им врачей и экологов.

Чем глубже я вникал в дух обители, тем очевиднее становилось для меня, что главный и единственный признак подлинности в ней присутствует. Но для окончательного заключения нужно было ещё поговорить с сёстрами без их начальницы. Евстолия благословила трёх из них ответить на мои вопросы и удалилась.

Инокания Сусанна, 30 лет, в обители 3 года. В миру жила в Мурманской области, преподавала в музыкальной школе. Была замужем, развелась. О причинах развода говорить не захотела — видно, эта тема причиняет ей боль:

— Я выросла в атеистической семье, к вере пришла самостоятельно, через книги. Особенно сильное впечатление произвели на меня творения Исаака Сирина и «Моя жизнь во Христе» праведника Иоанна Кронштадтского. Стала петь в церковном хоре. Постепенно в миру стало как-то неинтересно, пусто. Всё больше мысли обращались к монашеству. Поехала в Троице-Сергиеву лавру, попала к старцу, он посоветовал съездить в Переславль к игуменье Евстолии. Она встретила меня, как собственную дочь, которую когда-то потеряла, а теперь нашла. Сомнения тут же отпали. Когда я вступила в обитель, в ней было не сорок пять сестёр, как сейчас, а всего шестнадцать. Все неустроенно, в кельях холод. Но жили как в раю, работали от зари до зари, по ночам молились.

— Вы говорите, «жили». А теперь хуже стало?

— Нет, теперь тоже хорошо, но теперь у нас удобства, нам тепло, сытно. А тогда было очень трудно, и мы чувствовали, что приносим жертву Богу, поэтому был необыкновенный душевный подъём. Мы готовы были все делать, никогда никто не роптал. Чудесное было время!

Послушница Анна, 17 лет, приехала из Ростова-на-Дону.

«Я попала в Никольский монастырь по благословию моего духовного отца, который является духовным чадом известного старца Троице-Сергиевой лавры отца Кирилла (Павлова). Ничего лучше он не мог бы мне посоветовать, это Божий промысел. Пока я ещё не монахиня, ещё не приняла окончательного решения, но и не тороплюсь делать это. Я уверена, что в этом вопросе мне откроется Божия воля как-то так убедительно, что колебаний уже никаких не будет. А пока пою в хоре, где регентуют попеременно то сама матушка, то сестра Сусанна, работаю. Здесь и вправду райская жизнь...»

Доверяться целиком вышнему промыслу, как делают это Сусанна и Анна, — это и значит верить в силу Божию. Но Бог являет Свою волю через людей. И такими людьми для них были монахи Сергиевой лавры. И тут я вспомнил, что говорила игуменья: когда она ехала в Переславль принимать монастырь, в её душе почему-то звучал тропарь преподобному Сергию «Иже добродетелей подвижник». Вот какой у них небесный покровитель!

Я прошу рассказать о себе третью участницу беседы. Инокания Макария, 27 лет, казначей и бухгалтер обители.

«Я родилась в Москве, но так как ноги у меня были от рождения парализованы, родители от меня отказались. Всю жизнь по приютам, больницам, домам престарелых. Так бы и жила, если бы Господь не смилоствовался. На бухгалтера я училась в Сергиевой лавре, когда кончила, посоветовали поехать к матушке Евстолии — а может, примет? Поехала без всякой надежды. Я привыкла по своей жизни относиться к людям скептически, никому не верить. И вот чудо: матушка меня сразу приняла! Я же на костыльках ползаю, а ей нужны работницы, никак не должна была меня принять, я это понимала. Приняла тут же,

даже не успев познакомиться как следует. Теперь этой мой дом и, конечно, мой рай. Здесь я не чувствую себя инвалидом, здесь я нужный и полезный человек. То своими цифрами занимаюсь, то пою в хоре».

Вопрос ко всем трем: что вы скажете о своей игуменье?

Отвечают наперебой, все одно и то же. «Она очень духовна, она нам ближе всякой мамы. Мы её не боимся, она не строгая, но мы боимся её огорчить, это хуже всякого наказания. Она всех нас любит, и мы её...»

Вот он, главный признак. Послушайте: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35).

Знакомясь с сёстрами Переславского Никольского монастыря, всякий видит, что они Христовы — ученицы ли, невесты ли, дело не в названии. Поэтому монастырь становится для горожан указателем пути в Царство Божие. «А прикладывается ли к этому что-то материальное?» — это уже вопрос к игуменье. — «Прикладывается», — отвечает она. — Меня принял Лужков, обещал помощь стройматериалами и обещание выполняет. В прошлом году нас посетил Патриарх. Для города и особенно для нас, насельниц обители, это было событие, которое невозможно переоценить. Нога Первосвятителя многие десятилетия не ступала на эту землю.

Принял меня Юрий Михайлович Лужков, по-человечески и, я бы даже сказала, по-отечески вникнул в наши проблемы, обещал помощь, которая сейчас осуществляется. Помимо стройматериалов, он прислал нам одеяла, о которых я не просила, но которые, действительно, очень были нужны. Это свидетельствует о большой чуткости, которая не так уж часто встречается у руководителей столь высокого ранга, всегда занятых и решающих более важные проблемы. На наши нужды откликается также администрация Ярославской области во главе с губернатором. Быструю помощь получили мы и от Российского фонда культуры от Никиты Сергеевича Михалкова. В октябре мы будем отмечать 650-летний юбилей монастыря и ждём в гости всех перечисленных лиц. А что касается наших строительных планов — тут мы любим пофантазировать. Мечтаем, как построим вокруг монастыря стену, возобновим разрушенный Никольский храм...

Уверен, что их планы сбудутся, а значит, сбудутся и наши мечты о возрождении России, если есть у неё такие первопроходцы.